

Глава 1

Апрель, весна, промерзший за зиму воздух прогревается солнцем, просыпается природа, в деревьях начинают бушевать соки, в людях — гормоны. В это время кривая преступлений против половой неприкосновенности резко устремляется вверх.

Ольге Самохваловой не повезло, позавчера девушка возвращалась с работы домой, подъехал дорогой внедорожник, из него вышел озабоченный бандит, предложил свою любовь. А получив невежливый отказ, набросился на девчонку с кулаками. Одним ударом сломал ей нос, другим выбил зуб, схватил за волосы, затащил в машину. К счастью, мимо проезжал патруль, подонка задержали, пострадавшую отправили в больницу, там она и написала заявление.

А сегодня Самохвалова заявление отозвала. Подполковник Малахов даже не думал ее в чем-то упрекать. Ей ведь досталось не абы от кого, а от Никса.

Известного бандита, в свое время занявшего место знаменитого Грамаря. А сейчас он замещал самого Борщевика, главного авторитета Волгодонска и прилегающих к нему районов. Самохвалову могли убить, не прими она предложение, от которого невозможно отказаться.

Никс прятал улыбку, торжествующе глядя на Малахова. Уголовное дело можно закрывать, а его — выпускать на свободу. Закон есть закон.

— А чему ты радуешься? — спросил Артем.

Никс, он же Никишин Семен Денисович, выглядел внушительно. Блестящая лысина, массивный лоб, широкая переносица, тяжелая нижняя челюсть, сильная шея, покатые плечи. Сломанные на борцовских коврах уши не превратились в уродливые пельмешки, а так и остались торчать локаторами на лысой голове. Торс у него мощный, а ноги на вид ничем не выдающиеся. Обычные ноги, не худые, не толстые. Тесный темно-синий костюм смотрелся на нем очень даже хорошо.

— Я не радуюсь, я каюсь, — усмехнулся Никс.

— Ну да.

— Ну, нашла нелегкая, сам знаешь, как это бывает.

— Не знаю. Я на женщину руку не поднимал! — Артем возмущенно повел бровью.

— Не руку. Но такое же тяжелое... Или нет?

— Положу на тебя, узнаешь. А я положу. Потому что гнида ты, Никс!

— За базаром следи, начальник!

— И ты следи, — кивнул Малахов. — За руками.

— Да я-то слежу. И ты нормально фильтруй.

Артем усмехнулся, глядя Никсу в глаза. Не осознал бандит остроту текущего момента, а ведь его предупреждали.

Как и оказалось, Никс действительно не ожидал удара. А рубанул Малахов мощно, наверняка. Никс мужик хоть и тренированный, а сильный, по-настоящему сильный удар заставил его схватиться за живот и согнуться в поясе.

— Это предупреждение, — сказал Артем. — В следующий раз ударю ниже.

— Ну, ты в натуре, начальник, — сквозь зубы процедил Никс.

— Неправильно говоришь. «Я больше не буду, начальник» — вот так правильно.

— Правильно будет, когда ответишь.

— Давай спрашивай! — Малахов раскрылся для ответного удара.

В кабинете только он и Никс, ни свидетелей, ни камер. И руки у бандита свободны.

— Знаю я вашу породу!.. — скривился Никс.

— А я знаю вашу! Сначала нагадите, потом бегаєте от своего же дерьма, — презрительно скривился Малахов. — Где Борщевик?

И года не прошло, как он вступил в должность начальника отдела МВД по Волговодскому райо-

ну, но Борщевик уже, считай, на задворках местной криминальной истории. Малахов низверг его и растоптал. Борщевик сам настоял на мирном договоре, обещал быть шелковым. Но не прошло и месяца как заказал Артема, но снова облажался. Прямых доказательств его вины Малахов так и не получил, но Борщевик все равно не рискует появляться в городе. Да и не нужно ему это. Может, осел где-нибудь в тихой гавани, живет в свое удовольствие на деньги, которые зарабатывает для него Никс.

— Ну-у...

— И ты будешь бегать. Если не поймешь, что не ты хозяин в этом городе. Закон в этом городе хозяин. Закон!.. Вопросы?

Малахов смотрел на бандита жестко, зло. Он не собирался заключать с ним никаких договоров, призывать к мирному сосуществованию. Оступится Никс на своей скользкой дорожке, упадет носом в свое дерьмо, Артем отмывать его не станет. Сколько заработал, столько и отмерит...

— Ну, закон так закон. Я против закона ничего не имею, — заелозил Никс.

— Тогда условно свободен.

— Условно?

— Пошел!

Кивком указав на дверь, Малахов подумал о потерпевшей, с которой Никс мог свести счеты. Но имя Ольги Самохваловой так и не произнес. Зачем?

Он ведь ясно сказал, что спросит с Никса за любого человека, которого тот посмеет обидеть. И с него спросит, и со всех, кто не хочет жить правильно...

* * *

Третий день льет дождь, выходные прошли под знаком дождя, понедельник начинается с него же. Сейчас бы в кабинете сидеть, горячим чайком баловаться, а служебный долг бросает в мокрядь.

Дорога плохая, трещины, колдобины, прочие неровности, песка много, щебня, но покрытие асфальтовое. Ноги в грязи не утопают, и то хорошо. А от дождя худо-бедно спасают непромокаемые накидки и зонты. Майор Павлов надел дождевик, следователь Планидкин под зонтом, криминалист Колышкин Станислав Петрович взял на вооружение и то, и другое. А потерпевшему все равно, лежит себе на обочине, вытянув руки и ноги, глаза открыты, зубы оскалены. А выражение лица злобное. Ни страха, ни боли в предсмертной гримасе, одна только злоба.

Человека убили ударом по голове, чем-то острым проломили надлобье, если точнее, чешую лобной кости. Удар оказался и сильным, и точным, потерпевший, похоже, умер мгновенно, видимо, даже не успев прочувствовать боль и страдание. И злобное выражение на лице не сменилось выражением страха. Возможно, человек перед смертью с кем-то дрался, хотя на лице и не видно

побоев. Не исключено, что пострадавшего ударили только один раз и наверняка.

Куртка нараспашку, воротник оттянут вверх, рукава подняты, волосатые запястья обнажены, видны часы. Одна туфля стянута с ноги, мало того, ее переехала машина. Дождь смыл грязь от колеса, но след протектора угадывается. Да и смята туфля — под весом автомобиля. На руках у покойника кожаные перчатки без пальцев, правая штанина подвернута, так делают некоторые водители, особенно в дождливую погоду, когда на резиновых ковриках под педалью газа хлюпает грязь.

— С дороги труп стаскивали, — глядя на покойника, сказал Планидкин. — Чтобы проезду не мешал.

Выражение лица у него, как обычно, апатичное, а взгляд живой, пытливый.

— А где машина? — спросил Колышкин, осторожно вынимая из кармана покойника портмоне.

У этого, напротив, мимика выразительная, а взгляд усталый.

Максим Павлов кивнул, глядя, как эксперт открывает портмоне, в прозрачных карманах которого хранились документы. И техпаспорт на машину там, водительские права.

Павлов посмотрел в сторону поселка, в окрестностях которого нашли труп. Километра два всего до Ветряного, а дома под пеленой дождя едва угадываются. Утро уже наступило, половина седь-

мого, но небо затянуто тучами, солнца не видно. И настроение такое же пасмурное. Но работать надо.

— Микроавтобус «Форд Транзит», — прочитал Колышкин. — Две тысячи пятого года выпуска. Владелец — Ямщиков Василий Семенович. Населенный пункт Ветряной, улица Линейная, дом девятнадцатый.

— Телефон бы глянуть, — сказал Павлов.

— Телефона нет, — ощупав карманы куртки, качнул головой эксперт.

— Так и запишем: «Телефон остался в машине».

Павлов принял информацию к действию, позвонил оперативному дежурному, назвал номер и велел принять меры к розыску и задержанию автомобиля.

— А часы ничего себе, швейцарские, — осматривая труп, прокомментировал Планидкин. — Не самые, конечно, дорогие, но и не дешевые.

— На месте часы... — кивнул Павлов, глянув на носок на левой ноге покойного.

Дырка на пальце, небольшая, но в глаза бросается. Или Ямщиков надевал носки в темноте, поэтому дырку не заметил, или ему было все равно, в чем ходить. Но если все равно, то почему куртка в хорошем состоянии, джинсы не рваные? Туфля довольно прилично выглядит, раздавленная, но не стоптанная, каблук ничуть не скошен.

— Значит, не ограбление.

— И деньги там в портмоне, карточка банковская, — кивнул Колышкин.

И он, и следователь уже начали работу, осмотр места преступления на них, следы, улики, фото- и видеофиксация. Но со следами сейчас туго, дождь многое смыл. Кто-то тащил покойника, а на обочине ни одного свежего отпечатка ноги. Но это только так кажется. Более детальный осмотр может дать результат. И еще преступник тащил свою жертву, хватал за куртку, возможно, голыми руками. А потожировые выделения дождем плохо смываются, что-то может остаться. Выделение ДНК из потожировых следов процедура сложная, далеко не всегда возможная, но пальчики снять, возможно, получится. Куртку придется снять, отвезти в лабораторию, там цианоакрилатовая камера. Какой-то шанс на положительный результат имеется.

И еще неплохо было бы взять на экспертизу орудие убийства. Павлов мог только догадываться, чем проломили голову, но ничего похожего на монтировку, молоток и топор в поле зрения не попадало. Или в машине орудие преступления уехало, или где-то в траве у дороги валяется.

— Возможно, бытовуха, — предположил Павлов.

— С кем-то что-то не поделил Ямщиков, — кивнул в раздумье Планидкин. — С кем?

— Может, с пассажиром... — пожал плечами Колышкин. — Может, его из машины выбросили?

— На обочину?

— На дорогу.

— Если на дорогу, то на встречную полосу... — сказал Планидкин.

Павлов кивнул, соглашаясь со следователем. Дорога двухполосная, тело из машины могли выбросить на встречную полосу или на обочину. Существовал и третий вариант, через багажник. Но и тогда тело не могло помешать движению, если, конечно, микроавтобус двигался исключительно задним ходом. А труп стащили с дороги, потому что он мешал движению. Значит, еще живой Ямщиков стоял перед машиной, дорогу которой и перегородил. Тело убрали с дороги, машина уехала, все просто.

— Здесь на дороге убили. Может, пассажир, может, на дороге кто-то попался... Может, он кому-то остановил... Этот кто-то его и ударил. Возможно, монтировкой.

— С гвоздодером, — кивнул Колышкин.

— Ударил, убил, оттащил труп... Но если тащить труп... — Павлов показал, как преступник брался двумя руками за воротник покойника. — Если тащить труп, монтировка будет мешать...

Он размахнулся, забросил в траву за обочиной воображаемое орудие преступления и только затем взялся за труп. Целую пантомиму изобразил.

— Или в машину бросил! — подал голос лейтенант Кудылин.

Павлов улыбнулся, с иронией глянув на него. Хитрый жук, понимает, чем грозит ему версия начальника. Почва окрест дороги песчаная, ноги в грязь не проваливаются, но трава мокрая, искать в ней орудие убийства удовольствие сомнительное, вот он и согласился с более удобной версией.

— Это ты правильно подумал, Константин Сергеевич! Руки в ноги — и вперед! — Павлов обвел рукой пространство вокруг дороги.

— Ноги в руки... — начал, но запнулся Кудылин.

Нехорошо поправлять начальника, тем более когда он прав. К самым ногам придется опускать руки, чтобы найти орудие убийства. Руки в ноги, а голову в траву...

— А ноги в руки — это для меня, — усмехнулся Павлов. — Какая там у нас улица?

В полицию позвонил случайный водитель, проехал, увидел труп, сообщил.

Ветряной начинался с приселка из трех домов, дальше разрыв метров триста-четыреста, и снова дома — сплошной линией. По Линеинной улице. Строение девятнадцать представляло собой кирпичный дом на две семьи с разделенными забором участками. Фактически две квартиры, а в техпаспорте почему-то указан только дом.

Максим начал с первой квартиры, нажал на кнопку звонка. Ему долго не отвечали, наконец

появился рослый мужчина с многодневной щетиной и обветренными губами. Дождь прекратился, но с дерева капало ему на плешивую макушку.

Максим увидел на руке у мужчины кровь, но также заметил и прилипшую к пальцам рыбью чешую. А одежда у него относительно чистая. Куртка рабочая, пятна на ней застарелые, а свежей грязи не видно. Крови тем более. Трикотажные штаны на нем, на калошах следы засохшей огородной грязи, которая только-только начала отмокать от соприкосновения с мокрым асфальтом.

— Чего?

— Майор полиции Павлов!

Щека у мужчины дернулась, он сдал назад, закрывая перед собой калитку. Но двигался он неуверенно и калитку закрывал медленно. Максим с силой толкнул калитку, мужчина стал падать.

— Лежать! Не двигаться!

Во двор Павлов заходил, на ходу вынимая пистолет. И с предохранителя его снять успел, и затвор передернуть, когда на него с лаем накинулся плотно сбитый, прыгавший на сильных ножках мопс. Стрелять Максим не стал, просто пнул собаку, и очень удачно. Пес мгновенно заткнулся и, поджав хвост, бросился к дому.

Мужчина поднялся, но Максим направил на него пистолет.

— Лежать, я сказал!

— Ложусь! — Мужчина осторожно приземлил свой зад на деревянную скамейку, вмурованную в землю.

— Руки вперед!

Мужчина кивнул, вытянул руки, Павлов протянул ему наручники.

— Надевай!

— Хорошо... — Мужчина надел наручники и только тогда спросил: — А что я такого сделал?

— А что ты такого сделал? — спросил Максим, глядя на приоткрытую дверь, за которой скрылась пришибленная собака.

Дверь никто не закрывал, занавески в окнах не шевелились, в доме, похоже, никого не было. Но снова мог появиться мопс. Максим и чувствовал вину перед ним, но, если вдруг опять нападет, ударит снова, не раздумывая.

— Так это не я!

— А кто?

— Не знаю... Иду, слышу, как рванет!.. Ну, рыбу, думаю, глушат...

— Тротилом?

— Так это не я!

— А кто?

— Ну, Михайловна, может, и меня видела.

— Михайловна?

— Не знаете?

— И тебя не знаю. Фамилия? Имя? Отчество?

— Чесноков... Яков Ильич.

— Рыбу режешь?

— Карпа поджарить хочу.

— За что?

— Как это за что?

— Ямщикова за что убил?

— Ямщикова?!.. Ваську?!.. Как это убил? — хлопал глазами Чесноков. Он находился в состоянии шока, и Павлов не видел в том фальши.

— А руки чего в крови?

— Так карпа режу.

— А времени сколько? Не рано ли для карпа?

— Так жена сейчас со смены вернется, она просила рыбку на завтрак поджарить.

— Со смены жена?

— Она у меня в электросети, диспетчером.

— Они ж только к обеду сменяются.

— Моя утром, скоро будет... А что? Ямщикова убили?

А сейчас Чесноков фальшивил. Понимал, что его могут или уже подозревают в убийстве, поэтому переборщил, изображая ужас.

— Ямщиков твой сосед?

— Да.

— Когда он сегодня утром уезжал?

— Ночью, темно было. Часа в два.

— А чего так рано?

— Ну так он в любое время сорваться может, микроавтобус у него, по заказам работает.

— Женат?

— Кто, я?

— Ямщиков.

— Да, женат, Оксана сейчас дома должна быть, так-то она на почте работает.

— Дети?

— У нас сын, а у них дочь...

— Сын где?

— В школу, в город повезли, автобус забрал.

Павлов кивнул, видел он автобус с табличкой «дети», навстречу ему ехал.

— И Ленка поехала, ну, Ямщикова дочка...

— А вы, я вижу, дружно с соседями живете? — Павлов смотрел на межевой забор, его заинтересовала калитка в нем. — В гости друг к другу ходите?

— Ну а чего нам враждовать?

— Пойдем, позовешь Оксану... э-э... — Максим сделал паузу, ожидая ответа.

— Оксана Евгеньевна.

Павлов не торопился снимать с Чеснокова наручники. Вдруг он и есть убийца, вдруг, почуввав свободу, сбежит от него. Еще и ударит. Мужик он крепкий. Такой запросто мог человека с одного удара убить, если монтировкой.

Ямщикова очень удивилась, увидев соседа в наручниках. Крупная женщина, лицо широкое, щеки пышные, но ее это ничуть не портило. Большие светлые глаза, изящный носик... Очень интересная женщина. И уже вдова. Максим ничуть не сомневался в том, что на дороге лежал Ямщиков

Василий Семенович, а не кто-то другой. Уж очень оригинал похож был на фотографию в его водительском удостоверении.

— Яша, ты чего?

— Да вот, за убийство... — Чесноков запнулся, замолчал и косо глянул на Максима.

— Вы кто? — посмотрела на него и женщина.

Она уже собралась на работу, и волосы уложены, и макияж наведен, плащ на ней, шарфик, полусапожки на невысоком каблуке. Осталось только сумочку взять — и можно уходить. Она явно ничего не знала.

— Оксана Евгеньевна, мне очень жаль, — вздохнул Максим.

— Кто вы такой? — Голос женщины перешел на хрип. Краска сходила с ее лица.

— Майор полиции Павлов.

Максим достал удостоверение, но Ямщикова смотрела на Чеснокова.

— Почему за убийство? Что за убийство?

— Оксана Евгеньевна!..

— Что с Василием? — Ямщикова повела рукой в поисках опоры, зацепилась за столб, на котором держался козырек над крыльцом.

— Оксана Евгеньевна, скажите, гражданин Чесноков уезжал сегодня вместе с вашим мужем?

— Гражданин Чесноков? — женщина глянула на соседа.

— Яков Ильич, — кивнул Павлов.

— Нет, не уезжал.

— Вы в этом уверены?

— Да, я термос Василию принесла, он уже за ворота выехал. Не было никого в машине.

— Вы на улицу выходили?

— Да, на улицу.

— И сразу домой?

— Да нет, какое-то время стояла... На сердце что-то давить стало... Что с Васей? — взвился голос женщины.

Но Павлов не отвечал. Ямщикова и без того все поняла, хотя еще на что-то надеялась.

— А Яков Ильич вслед за вашим мужем не выезжал? Может, вы видели, как он выезжал со двора?

— На чем выезжал? — хмыкнул Чесноков. — У моей машины двигатель в ремонте. Второй год уже.

— У Яши нет машины, — кивнула, подтверждая женщина.

— И такси он не вызывал?

— Не было такси.

— Значит, не он вашего мужа убил, — снимая с Чеснокова наручники, сказал Максим.

— Не он убил, — с чувством облегчения согласилась Ямщикова.

— А муж ваш по вызову уехал?

— Да, там группу из Волговодска забрать надо было.

— Понятно.

— А он забрал группу?! — встрепенулась женщина, уставившись на Максима.

— Не думаю.

— Но не Яша его убил?

— Нет, не он.

— А кто его убил?

Из глаз женщины хлынули слезы. Максим вздохнул, глядя на нее. Говорят, в таких случаях лучше заплакать, чем держать горе и слезы в себе. Так это или нет, он не знал. Но понимал, что лучше не попадать в такие ситуации.

Глава 2

Документы не обманули, на обочине дороги лежал труп Ямщикова Василия Семеновича, его вдова это подтвердила. Узнала мужа и упала в обморок. Ватка с нашатырем привела ее в чувство. Но не совсем. Планидкин пытался задавать ей вопросы, но женщина его как будто не слышала, ту-по смотрела перед собой.

— Что интересного можете сказать? — спросил Максим, обращаясь к эксперту-криминалисту.

Но при этом он смотрел на Кудылина, который разводил руками. Совсем еще молодой лейтенант, и года нет, как выпустился из колледжа. Но уже заслуженный. Одно то, что Малахова от киллера спас, чего стоит.

— Да так, ничего особенного, — пожал плечами Колышкин, глянув на своего коллегу из судебной медицины. — Смерть наступила в районе трех часов ночи в результате проникающей черепно-мозговой травмы.

— Следы преступника?

— Пока ничего сказать не могу. Следов физического контакта жертвы с преступником пока не обнаружили. Драки как таковой не было, преступник ударил сразу и убил. Чем, пока не ясно, но похоже на гвоздодер... Да, кровь обнаружили. На дороге. В нескольких местах. Так не видно, только ультрафиолетом.

— Чья кровь?

— Возможно, потерпевшего...

— Почему возможно?

— Да есть вопросы. Как могла кровь потерпевшего оказаться там, где стояла машина?

— Брызнуть?

— Брызнуть она могла, когда потерпевший падал. Кровь не могла брызнуть под машину... Кровь могла упасть с пальцев преступника. Может, на руку попала, он стряхнул, капли под машину...

— А где стояла машина?

— Ну, где... — Колышкин обвел рукой место, где предположительно стояла машина потерпевшего. — Следы торможения смыло, но кое-что осталось... И следы от обуви смыло, но тоже кое-что нашли. Не знаю, будет ли толк... Мы-то, ко-

нечно, все отработаем — и кровь, и все остальное. Но в целом, скажу я вам... Да, кстати! — оживился эксперт. — На обуви, на носке имеется след старой краски. Зеленого цвета... Свежий след.

— Краска старая, а след свежий, интересно.

— Не знаю, с какой поверхности. Может, с двери, может, с забора. Или со стены, если стены красят масляной краской.

— Бывает.

— Туфли с вечера вымыли, начистили, а ночью был удар. По двери, по стене. Краска старая, отслоилась, а на дожде размокла... Если по двери, то где-то на открытой местности...

— Может, дверь на Ямщикова напала? — в шутку предположил Павлов. — С облупленной на ней краской.

— Здесь? Здесь не могла. А где-нибудь... Где-нибудь Ямщиков мог напасть на дверь. Может, психанул и ударил ногой.

— Психанул, — эхом отозвался Максим.

Зазвонил телефон.

— С пепелища тебе звоню, — весело сказал Стасов.

— Не понял.

— Еще дымится!

— Что дымится? «Форд»?

— «Транзит».

Телефон Ямщикова Павлов отработал сразу же, как только узнал номер. Сам телефон не подавал

признаков жизни, но осталась история его перемещений, по ней и установили место, где могла находиться машина. А тут майор Стасов позвонил, спросил, что да как, Максим доложил, и дальше уже действовали без него. Стасов сам отправился за машиной, хотя мог переложить это дело на подчиненных. Как-никак он второй человек в районном отделе после Малахова.

— Сожгли?

— Следы замели.

— Может, кровь там была. И там, и здесь, на дороге... Скорее всего, преступник был ранен.

— Сгорело все. Но без преступника.

— А у нас от преступника как минимум одна капля крови. Не думаю, что последняя.

— Отлично! Работаем! Ты давай там, я давай здесь.

Максим закончил разговор, подошел к Ямщиковой, которая все так же тупо смотрела, будто сквозь тело своего мужа, куда-то в землю.

— Я тоже думаю, что Василий перед смертью очень сильно на кого-то разозлился, — тихо сказал Павлов.

— На кого-то? — резко глянула на него женщина.

— А на кого он мог разозлиться?

— На Шарьялова?!

— Кто такой Шарьялов? — Максим бережно взял Ямщикову под руку и повел к своей машине.

— Да есть у нас тут один урод... А ведь это он!.. — вдруг осенило женщину, и она, отталкивая его, всплеснула руками. — Тут же недалеко!

— Где недалеко? — глянув на Планидкина, спросил Павлов.

Группой и всей работой руководил следователь, никто этого не оспаривал. Но женщину разговаривал Максим, это, во-первых, а во-вторых, он тоже не абы кто, а начальник районного уголовного розыска. Так что Планидкин пусть пока отдыхает. И слушает, если ему интересно.

— Ну тут, первые три дома! — Ямщикова махнула в сторону поселка.

— Да, видел.

— Я в магазине была, Шарьялов подходит, говорит, привет, как дела! Целоваться полез, как будто мы с ним друзья! Облапал меня, как будто... Скот озабоченный!

— Дальше что?

— Ну что, Василий узнал, взбесился, разбираться поехал.

— Когда?

— Вчера вечером.

— Разобрался?

— Да нет, дома, сказал, не было. Соседка сообщила, что в город уехал. На автобусе... Там остановка автобусная... О чем это я? — осадил себя Ямщикова.

— Все хорошо, все правильно. Остановка, автобус... Подробности приветствуются.

— Василий сегодня, когда уезжал, злой такой был. Я еще подумала, что он к Витьке. Ну, к Шарьялову заедет. Даже сказала ему. Давай не сегодня, мол. А он, да у меня и времени нет...

— Не заезжал?

— Не знаю.

Машиной потерпевшего занимался Стасов. Павлов решил остаться на месте преступления, здесь и работать. Кудылин ничего не нашел, у Стасова спрашивать о монтаровке бесполезно. Во-первых, в сгоревшей машине найти ее весьма проблематично, во всяком случае, пока там все не остынет. Во-вторых, если орудие убийства там, следы пальцев на нем уничтожены. А в-третьих, искать орудие преступления в машине просто глупо. Если убийца сжег машину, то от главной улики он избавился в первую очередь. И если выбросил монтаровку, то в реку. И уж точно не туда, где ее могут найти.

— Все осмотрел? — спросил Павлов, обращаясь к Кудылину.

Из оперов в группе только он, а одному к Шарьялову ехать нежелательно. Тип этот как минимум неуравновешенный, к таким без напарника лучше не соваться. Максим собирался взять Кудылина с собой.

— Да в той стороне, — лейтенант повел рукой на восток.

— А там? — Павлов кивнул в другую сторону.

— Там? — нахмурился Кудылин.

— Нет?

Преступник мог забросить монтировку в любую сторону. С учетом сгоревшей машины вероятность такого события приближалась к нулю, но к Шарьялову Максим отправился в одиночку. Хотел прихватить с собой Ямщикovu, отвезти ее домой, но женщина наотрез отказалась уходить.

Три дома на отшибе, соединенные между собой газовой трубой. Один из красного кирпича, небольшой, но на высоком фундаменте, обложенном декоративным камнем, и под крышей из битумной черепицы. По фасаду забор металлический, профлист к столбам прилегал плотно, во двор не заглянешь. Но дом можно было рассмотреть с дороги, через простой сетчатый забор, отгораживающий дом от пустыря. Забор этот слабенький, сетка рабица кое-как пристегнута к старым столбам. Павлов еще с дороги заметил, что два столба практически лежат, и сетка в этом месте стелется по земле. Заходи кто хочет. Машину можно взять. Внедорожник во дворе стоял, старый «Гранд Чероки» еще второго поколения. Он стоял под навесом, который тянулся через весь двор от ворот до самого крыльца.

Также двор первого по счету дома просматривался через соседский забор, низкий, штакетный, когда-то очень давно покрашенный зеленой краской. И ворота деревянные, вросшие в землю,

одна только калитка железная. Краска на ней сохранилась лучше, чем на остальной части забора. В нижней части калитки сохранилась только по кромке. Потрескалась, отслоилась, а сейчас отмокала на дожде. По этой калитке и бил сегодня ночью Ямщиков ногой. И бил ногой, похоже, не только он один. Кто-то совсем недавно врезал по калитке ногой, приложив к ней всю подошву, даже протектор отпечатался. Рельефный протектор. А у обуви Ямщикова подошва простая, практически гладкая.

Шарьялов здесь жил. Дом старый, из саманного кирпича. Крыльцо низкое, высотой в один кирпич, козырька над ним нет, и крыша за края дома не выступала. Переступив порог, хозяин сразу же попадал под дождь.

Во дворе садовые деревья, кусты, но все запущенные, неухоженные, небеленые. Навес к дому пристроен, гнилые столбы с трудом удерживали тяжелую шиферную крышу. Под навесом старый «Запорожец». Без колес, без лобового стекла, крышка капота снята, мотора под ней не видно. Да и не могло там быть мотора. Двигатель у «Запорожца» сзади. Мусор во дворе, поддон деревянный валяется, старое дырявое ведро. На углу дома железная бочка — под сливом водосточной трубы.

Видел Максим и собачью будку без крыши, с оторванной доской по верхнему венцу, мало того, еще и перевернутую. А пса не замечал. Может

быть, спрятался где-нибудь под навесом или дом не охранялся.

Знать о себе давали собаки из соседних дворов, но гавкали они вяло, уныло из своих будок. Не хотелось им лезть под дождь, это уголовному розыску все нипочем.

Павлов постучал в калитку еще, на этот раз сильней. И калитка открылась. Засов слетел, повис на одном шурупе.

Максим не поленился, осмотрел засов. С мясом его вырвали. Возможно, Ямщиков ногой приложился или тот, кто оставил след подошвы на калитке. И без того хлипкий засов слетел с крепления, калитка открылась, что было дальше, Максим мог только догадываться. Вряд ли злоумышленник разнес будку; судя по всему, ее сломали уже давно, крыши-то нигде не видно. И хозяина вряд ли убили. Кто-то же вернул засов на место, вставил вырванные с мясом шурупы в старые гнезда. Создал, так сказать, видимость целостности, которую майор Павлов только что нарушил.

Собака не угрожала — Максим беспрепятственно прошел к самому дому. И там следы вторжения. Кто-то не так давно бил ногой в дверь. Все тот же след рельефной подошвы на дверном полотне. Но вряд ли злоумышленник добился своего. Дверь хоть и старая, но крепкая, из толстых, плотно подогнанных досок. И открывалась она во двор, и к дверной раме прилежала плотно, внахлест. А по-

другому нельзя: во время дождя дверь заливало, и вода могла попасть в дом.

Дверь и сейчас вся мокрая, следы от рельефной подошвы едва заметны, смыло их. Максим пожал плечами, осматривая след. Дверь заливало, да, но вода подавалась не под напором, а тут как будто «Керхером» по доскам прошлись. Или даже тряпкой с автошампунем. И то не везде, а только по нижней части двери. Но это объяснимо. Нижнюю часть двери, стены по фасаду заливало больше, чем верхнюю.

Мокрая дверь. И наглухо закрытая. Вместо ручки кольцо из кованого железа, им и постучать в дверь можно, и внутренний засов с места сдвинуть. Ручка проворачивалась, засов клацал, но дверь не открылась. На ключ закрыта. Замочная скважина без декоративной планки, просто дырка в двери. Но заперто крепко.

Павлов постучал — никакой реакции. Дернул за ручку — никакого результата.

— А я сейчас полицию вызову!

Во двор через открытую калитку входила женщина в таком же дождевике, как и у Павлова, только куда большего размера. В одной руке хозяйственная, битком набитая сумка, в другой зонтик со сломанной спицей. Немолодая, далеко за пятьдесят, нос рыхлый, под ним на губе большая родинка с пучком волос на ней. Максим смог рассмотреть эту родинку, потому что женщина чуть

ли не вплотную подошла к нему. И смотрела на него, не отрывая взгляда.

— Так уже полиция здесь. Майор Павлов! — Максим полез в карман за удостоверением.

— Не надо, верю.

— Да?

— Глаза у тебя хорошие.

— Да я и сам хороший, спросите у мамы, — улыбнулся Максим.

— А мама где?

— Далеко. Сами-то мы не местные.

— Да уж вижу... Пойдем чай пить, раз мама далеко.

— Э-э! — Максим указал на дверь.

Но женщина, качнув головой, повернулась к нему спиной и направилась к воротам. Чтобы продолжить разговор, ему пришлось идти за ней.

— А Шарьялов где?

— В город уехал.

— Давно?

— Первым автобусом.

— Автобусом? — Максим кивком указал на остановку, похожую на карточный домик.

— И он автобусом, и я автобусом. Вместе ехали.

Соседка свернула вправо, подвела его к третьему по счету дому. Одноэтажный, из белого кирпича, крыша новая, металлочерепица, во дворе идеальный порядок. И забор из профлиста, причем

по всему периметру участка. Там же, во дворе, под навесом стоял новенький «Икс-Рей».

— Сын у меня так же далеко, — открывая дверь, сказала женщина. — В рейсе. Раньше по Волге ходил, а сейчас по Средиземному морю. — Тоже по маме скучает.

— Даже не сомневайтесь, — кивнул Павлов, глядя на забор, отделяющий один участок от другого.

Забор высокий, сплошной, дом Шарьялова практически не виден. И вряд ли Арина Ивановна, как он узнал, звали женщину, могла видеть Ямщикова, когда тот ломился в дом к Шарьялову. Надо бы к другим соседям зайти, там забор между домами «прозрачный», все та же сетка рабица. И кусты-деревья еще только покрывались зеленью.

В доме чисто, уютно, на кухне газовый котел, обогревающий весь дом. Арина Ивановна сначала включила его, а затем уже поставила чайник.

— Что-то холодно сегодня, — поежилась она.

— Дожди!

— Да уж!.. А вы, говорите, из полиции?

— Начальник уголовного розыска.

— А мы ехали, машины полицейские видели. Человек там на обочине лежит, женщина плачет. Сбили кого-то?

— Когда видели? Когда в город ехали?

— Да нет, в город ехали, не видели. Темно было.

— Когда первый автобус был?

— В пять тридцать. А к нам где-то без двадцати подъезжает.

Павлов кивнул. Примерно в это время сейчас и светает, но погода нелетная, небо обложено тучами. Да, темно еще было.

— И Шарьялов с вами ехал?

— Да.

— То есть Ямщикова он убить не мог?

— Ямщикова?! Василия?! — встрепелась женщина. Она ставила в холодильник молоко, бутылка чуть не выскользнула у нее из рук.

— Вы его знаете?

— Ну как же, они с Колькой моим в одном классе учились.

— А Шарьялов?

— Витька старше был на три года.

— Почему был?

— Он и сейчас, конечно, старше. Но сейчас-то разница в возрасте так не чувствуется. А тогда!..

— Колька ваш чувствовал разницу?

— Еще как! Сколько раз говорила ему, не трогай Витьку! Он и без того обиженный. А как его унять? Витька старше, значит, сильнее. А сильных бить можно!

— То есть это ваш Колька бил Шарьялова?

— Ну да, Витька слабый был, затюканный. Обижали его в школе.

— А с Ямщиковым он в каких отношениях был?

— И Ямшиков его обижал, к Кольке нарочно приходил, чтобы поиздеваться над Витькой. Витька однажды разозлился, в ответ ударил, а Васька взбесился, так его избил, что «Скорую» вызывали. Участковый приходил, и Ваську на учет в детскую комнату поставили, и Кольку моего. Витьку трогать перестали... Витьку потом в армию забрали, вернулся и на заработки уехал. Мать, Алевтина, умерла, он вернулся, второй год живет... Работал, работал, ничего не заработал...

— А сейчас он где работает?

— Говорит, что на комбинате работает на автопогрузчике, на складе, а там кто его знает. Он же постоянно врет.

— То есть вы не очень хорошего о нем мнения?

— Ну как... Жалко его, нескладный он, и в жизни все нескладно.

— Женат?

— Да какой там!

— Что так?

— Да какая нормальная девушка с ним захочет? А ненормальных тут нам и без него хватает! — взмахнула руками Арина Ивановна.

— Например?

— Что, например? — не поняла женщина.

— Кто у вас тут ненормальная?

— А-а!.. Да есть у нас тут одна, дом с мужем купили, а-а! Говорить не хочу!

— Где дом купили?

— Ну, первый дом, там раньше Федоровна жила, потом дети ее в город забрали. А Сонька с мужем дом купили. Лет десять назад было, а на следующий год муж в реке утонул. И что ты думаешь, Сонька уже через месяц мужика привела!

— Бывает.

— А через год второго привела!

— С двумя живет?

— Нет, конечно!.. Хотя она такая, что и с двумя может, с нее станется!

— Не любите вы ее!

— А за что ее любить?

— Сын ваш, я так понимаю, не женат?

— Вот за это и не люблю!.. Сонька сейчас одна, а Колька жених видный... Вот только пусть попробует его на себе женить! Я ему все расскажу! — распалилась Арина Ивановна.

— Что расскажете? — не отступал Павлов.

— Да на ней клейма ставить негде!.. А зачем тебе? — подозрительно глянула на него женщина.

— Меня Шарьялов интересует, как у него там с этой Сонькой?

— В том-то и дело, что никак! Он-то, конечно, пытается, а она гонит его!.. Говорю же, даже ненормальные от этого сморчка шарахаются!

— Почему сморчок?

— Ну, не знаю. Так-то Витька не маленький, даже высокий. Худой, правда... Нет, не сморчок!

Колька мой его дрыщом называл!.. Смешной такой, нелепый, еще и лопаухий.

— А мнения он о себе какого?

— Мнения высокого! Все петухом ходит! Только бабы мокрую курицу в нем видят!

— Шарьялов на днях жену Ямщикова облапал, прямо в магазине. Целоваться лез, как будто старую подругу встретил.

— Витька может! С бабами он герой!

— Сегодня ночью Ямщиков разбираться приходил. Может, слышали, как он на машине к дому подъезжал? В районе двух часов ночи. Микроавтобус у него.

— Не слышала.

— Он в калитку ногой бил.

— Снотворного я вчера на ночь приняла, как убитая спала.

— То есть ничего не слышали?

— В районе двух часов?

— Где-то так.

— В первом часу слышала.

— Что слышали?

— Выстрел.

— Выстрел?

— Мне показалось.

— Так был выстрел или вам показалось?

— Может, приснилось... А может, и правда стреляли. У Витьки в доме. Из ружья... Он ружье купил, охотничье...

— В доме стреляли?

— Мне показалось, что в доме. Глухой такой выстрел. Если бы во дворе, по-другому бы звучало... Я у Витьки утром спросила, он сказал, что не было ничего. А сам напуганный такой...

— Напуганный?

— Не то чтобы уж очень, но обычно он хорохорится, а сегодня какой-то тихий был, пришибленный. Но встревоженный. Я спросила, чего он такой, он сказал, что дождь на нервы действует.

— Дождь всем на нервы действует.

— А Василия, значит, убили?

— Несчастный случай, — на всякий случай соврал Павлов.

— Машина сбила?

— Машина.

Ямщикова убили в районе двух часов ночи. Судя по истории перемещений его телефона, в два часа тридцать минут угнанный микроавтобус уже находился в городе. Сам же Ямщиков в это время уже лежал в темноте на обочине дороги. Убить его мог Шарьялов. Убить, угнать машину, бросить ее за городом, вернуться домой, а первым автобусом снова отправиться в Волговодск. А потом сжечь микроавтобус. Не сообразил сделать это сразу, поэтому вернулся.

— А Шарьялов на работу ехал, не знаете?

— На работу.

— А когда рабочий день начинается?

— У них не рабочий день, а смена. Начинается в семь утра.

Узнать, когда Шарьялов прибыл на работу, будет нетрудно. Если без опозданий, то вряд ли машину сжег он. Хотя мог и успеть... В общем, возможный маршрут его передвижений нужно составить, расчет времени произвести.

— А выстрел из ружья вы в первом часу слышали?

— Ну, может, и приснилось.

— В первом часу?

— Где-то без двадцати час было, я на часы глянула. Еще подумала, смогу заснуть или нет... Заснула. Сразу заснула!..

— И как Шарьялов стучал в калитку, не слышали?

— Не слышала.

Максим пожал плечами. В двадцать минут первого Ямщиков находился дома, в кого же тогда стреляли из ружья? Или и в самом деле Арине Ивановне выстрел приснился. Дождь по крыше стучал, на подоконник капало, могло и присниться.

Максим поблагодарил за чай, вышел из дома, позвонил своему подчиненному, поставил задачу, отправил Гуцулова на комбинат — узнавать про Шарьялова. Трогать подозреваемого пока не велел.

Он вернулся к дому Шарьялова, еще раз осмотрел двор и заметил резиновые сапоги у ржавой бочки, куда стекала дождевая вода. Сапоги мо-

крые как снаружи, так и внутри, но чистые. Тряпка валялась, которой эти сапоги мыли. Там же на старой табуретке лежала тряпка почище, на земле валялся кусок мыла. И всеми этими предметами, казалось, недавно пользовались. Дождь уже третий день льет, грязь на тряпке, которой мыли сапоги, уже бы размокла, а там все еще комочки, еще не размылись. И сапоги внутри не совсем еще намокли. Не так уж и давно их поставили. А мыли зачем?.. И дверь, возможно, мыли. Тряпкой, которая лежала на табуретке. Тряпкой с мылом. Зачем?

Павлов услышал хлопок, с которым захлопнулась крышка багажника. И вспомнил про «Гранд Чероки», стоявший у дома из красного кирпича. А закрылся именно багажник, дверь закрывается тише.

Максим не стал подходить к сетчатому забору, отделяющему один участок от другого. Земля здесь хоть и не чернозем, почва с преобладанием песка, но все равно грязно, увязнуть можно. Тем более что к соседнему дому он мог пройти, не испачкав обуви.

Глава 3

Молодая женщина открывала ворота торопливо, еще и поглядывая по сторонам. Увидев Максима, женщина ступсевалась, напряглась, но ворота все же открыла. Внедорожник стоял с заведенным двигателем.

— Куда-то собрались? — спросил Максим.

Женщине на вид лет тридцать. Куртка на ней спортивная, на голове капюшон, из-под которого выбивались светлые завитушки волос. Легкий макияж на лице, глаза кое-как накрашены, губы наспех подведены. Волосы чистые, как будто их только что вымыли. Видно, женщина приняла душ, кое-как накрутилась и отправилась в дорогу. А тут вдруг непонятно кто. Женщина заметно нервничала, Павлов явно смутил ее своим появлением, хотя она и пыталась не подавать виду.

— Куда я собралась?

— Может, на работу?

— Может, и на работу.

Павлов рассматривал женщину. Не красавица, но довольно-таки привлекательная. Глаза интересные, нос аккуратный, губы красивые. Симпатичная. И молодая. Для вдовы. Если это и была Сонька, о которой говорила Арина Ивановна.

— Так может или на работу?

— А ты кто такой?

— Майор полиции Павлов! — представился Максим.

И, надо сказать, женщина совсем не удивилась. Как будто знала, что ею могла заинтересоваться полиция.

— Ну, иди себе дальше, майор полиции Павлов!

— А поговорить?

— Не о чем мне с тобой говорить, майор полиции Павлов!

— Меня интересует ваш сосед Виктор Шарьялов.

— А вот меня он совершенно не интересует!

— Так и будем стоять под дождем? Может, хотя бы под навес пригласите?

— Некогда мне! Ехать мне надо!

— Вы же сами не знаете, куда ехать.

— Как это не знаю!

— Знаете? А мне показалось, что нет. — Максим внимательно смотрел на женщину.

Что-то не то с ней. Волнуется она, нервничает, губы покусывает. Еще немного, и ногти грызть начнет.

— На работу я еду!

— В спортивной куртке?

— И что?

— А резиновые сапоги? — усмехнулся Павлов.

— Так дождь же!

— Документы ваши можно глянуть?

— А что документы?

— Ну, вдруг это не ваш дом.

— Как это не мой дом? — Женщина искренне возмутилась, чувствуя полную уверенность в своих правах.

— Ну, вдруг вы грабите хозяев?

— Я?! Граблю?! Вы в своем уме?

— Документы!

— Ну, хорошо, сейчас принесу паспорт.

— Зачем паспорт? Достаточно прав.

— Так нет прав, — замялась хозяйка дома.

— Как же вы тогда в дорогу? Тем более на работу.

— Не знаю, были, куда-то делись... Да и не еду я никуда!

— А ворота просто открыли?

— Ну да!

Женщина стала закрывать ворота, Максим ей даже помог. И вместе с ней оказался во дворе дома. Под навесом и возле машины, которая стояла с заведенным двигателем.

— И машину заглушите, — сказал Павлов.

— Ну, это легко!

— А что нелегко?

— Слушай, майор полиции Павлов, ты такой дотошный! — кокетливо возмутилась хозяйка дома.

— Сам себе не рад!

— Да уж вижу, как дождевая туча ходишь. Ты улыбнись, вдруг дождь закончится!

— Убийство у нас.

— И кого убили? — нахмурилась женщина. А взгляд дернулся, щека дрогнула.

— Да вот пока не знаем.

— А то я видела вчера тут одного!

— Кого вы видели? — заинтригованно повел бровью Максим.

— Мужик тут по улице шел, шатался. За голову держался...

— Куда шел? Когда?

— Ночью. После полуночи.

— А точнее?

— Да не знаю... Хотя нет, вспомнила, часы полвторого показывали. У меня там в спальне часы.

— Где там?

— Хочешь посмотреть спальню? — загадочно улыбнулась женщина.

— А шел куда?

— В сторону города...

— Как он выглядел?

— А, пойдём в спальню, я тебе покажу! — лукаво сощурилась хозяйка дома.

— Э-э... — замялся Павлов, не решаясь спросить, что ему собираются показать.

— Покажу, как из моей спальни можно кого-то увидеть. Хорошо, что вообще кого-то увидела.

Женщина указала на забор, одна секция которого, считай, лежала на земле.

— Но это был мужчина?

— Ну да, высокий такой, походка мужская...

— Откуда шел?

— Точно не из моей спальни!

— А забор почему повален? — спросил Павлов.

— А это ко мне в спальню лось какой-то ломился! — задорно подмигнула ему женщина.

— Фамилию спрашивал?

— Кто, лось?

— А я спрошу!

— Ну, Зинченко Софья Владимировна... Можно просто Софья.

— Прав у вас нет.

— Ну вот, опять!

— А техпаспорт на машину?

— Может, в дом, чайку попьем?

— А как же работа?

— Я сегодня не работаю... Я сегодня отдыхаю! — притворно зажеманилась Зинченко.

В кармане зазвонил телефон, Максим достал его, активировал и чуть не оглох от голоса в ухо.

— Товарищ майор, я монтировку нашел! — радостно сообщил Кудылин.

— Молодец!

— Кровь на ней!

— Ямщикова?

— Может быть, Ямщикова, а может, и преступника. На рукояти кровь. Много крови было, ее даже дождем не смыло.

— Где монтировка?

Возможное орудие преступления уже находилось у эксперта, это успокоило Павлова. Он велел Кудылину ехать к Зинченко, назвал адрес.

— Может, все-таки чайку? — спросила женщина.

— Может, лучше в спальню?

Мужик, о котором говорила Софья, шатался и держался за голову, возможно, раненную вы-

стрелом из ружья. Возможно, Ямщиков принял его за Шарьялова, остановился, набросился на него с монтировкой, от которой сам же потом и пострадал.

— Так сразу? — кокетливо возмутилась Зинченко.

— Покажете, из какого окна вы видели мужчину, — пожал плечами Максим. — За голову держался?

Софья его не смутила, нет, но желания идти к ней в спальню не было. Действительно, какая разница, с какого ракурса она видела, возможно, убийцу? Важен сам факт. Тем более что сам из этой спальни ничего не увидит.

— За голову.

— А вам ночью не спалось?

— Да генералить с вечера начала, думала побыстрому, а оно как пошло-поехало.

— Генеральная уборка?

— Она самая!

— Поздно закончили?

— Говорю же, пошло-поехало.

— А может, выстрел слышали?

— Выстрел?

— Из соседнего дома.

— Витька стрелял? — удивилась Зинченко.

— Не слышали?

— Да нет... А стреляли?

— Шарьялов к вам вчера не заходил?

— А когда он ко мне заходит? — поморщилась женщина.

— Не заходит?

— Пусть только попробует!

Софья повела плечами, как будто крылья расправляла.

— А машина у вас чья? — спросил Максим.

Зинченко растерянно моргнула, глядя на него.

— Так это...

За спиной открылась калитка, Максим думал, что пришел Кудылин. И невольно вздрогнул, увидев здоровяка в кожаной куртке, который не входил, а, казалось, втискивался в проем калитки, настолько широкими плечами он обладал.

Здоровяк остановился, одним глазом он, казалось, смотрел на Максима, другим сверлил Софью. Губы плотно сжаты, на скулах вздуваются желваки. Широкий лоб, маленькие глаза под массивными надбровьями, крепкий нос, тяжелый подбородок. На лбу две морщины, свидетельствовавшие об интеллекте уровня пещерного человека, заряженного исключительно на охоту — искать, рвать, убивать. И ведь он мог это делать, причем без всякой пощады. И не один, а в паре со своим дружкой, который маячил у него за спиной. Такой же амбал с грубыми чертами лица.

Все бы ничего, но Павлов узнал и одного, и другого. Видел их у ворот отдела, крутились там

в ожидании своего босса. Двух телохранителей Никса приняли вместе с ним, а этих не брали. Эти уже позже появились. Павлов, конечно же, навел о них справки. Гречнев Иннокентий Витальевич и Пикалев Георгий Антонович, Кеша и Пикаль собственной персоной.

— Это к вам? — спросил Павлов, обращаясь к Софье.

Он мельком глянул на женщину, заметил, как она побледнела. Испугал ее незванный гость.

— Да нет, — выдавила она.

— Майор полиции Павлов! — Максим полез в карман за удостоверением, но при этом он больше думал о пистолете.

— Да знаем! — кивнул Гречнев.

— Что тебе нужно, Кеша?

— Так это, Сонька на чаек приглашала! — Бандит нахально изобразил старт лыжника.

Максим вопросительно глянул на Зинченко, и та растерянно кивнула.

— Ну, я их завтра ждала, — еле душа в теле проговорила она.

— Завтра? — задумался Кеша, пристально глядя на Софью. — Ну, хорошо, завтра заглянем.

Он повернулся к Павлову спиной.

— Стоять! — крикнул Максим.

— Стоять! — подхватил Кудылин, подпирая бандитов с тыла.

Костя на ходу вынимал пистолет. Пикалев глянул на него хищно, угрожающе, но парня это не смутило.

— Эй, что за дела, начальник? — Гречнев развернулся к Павлову.

За оружие он не хватался, и Максим оставил пистолет в кобуре. Зато достал из кармана телефон.

— Не нравишься ты мне!

— Да мы к Соньке чисто зашли!

— Поговорим, — пообещал Павлов. — Обо всем поговорим.

Он не мелочился, позвонил Планидкину и попросил отправить к нему прикрепленный к месту происшествия наряд патрульно-постовой службы. Из города пока доедут, а тут раз, и уже на месте.

— Что-то я не понял, начальник! — набычился Кеша. — Что мы такого сделали?

Максим не спускал с него взгляд в готовности немедленно выхватить пистолет из кобуры.

— Покойника на дороге видел? — спросил Павлов.

— Ну да, накрыли там саваном кого-то, и что?

— Водителя убили, машину угнали, а потом сожгли.

— Ну а мы здесь при чем?

— Машину сжечь непросто, ее сначала бензином облить надо. А пары бензина — это тебе, па-